

Шэнь Цинь стряхнул с себя назойливую лапу, принял бокал и под взглядами ожидающей толпы выплеснул вино. Он достал то самое кольцо и положил его на стол:

— Ценные вещи держите при себе. Если потеряете — я ответственности не несу.

Он уже собрался уходить, но какой-то паршивый пес преградил ему путь.

— Что за дела? Я по доброте душевной предлагаю тебе заработать, а ты нос воротишь? Раз уж опустился до работы официантом, к чему этот гонор? Сколько ты тут за вечер получаешь? Ты хоть знаешь, сколько стоит это кольцо?

Шэнь Цинь не хотел тратить силы на пустые споры — с такими людьми чем больше говоришь, тем больше они распаляются. Он вежливо ответил:

— Я долго пытался вспомнить, кто вы такой, но так и не смог. И шансы, что я вспомню вас в будущем, ничтожно малы. Выпейте лучше вина, промойте горло, а если будет мало — закажите еще.

Спокойствие Шэнь Циня, который даже не удосужился принять оскорбления на свой счет, окончательно вывело паршивца из себя. Тот схватил Шэнь Циня за воротник:

— Докатился, позоришься тут, а все строишь из себя невесть что! Думаешь, ты все еще тот самый господин Шэнь, что был раньше? Сегодня ты обязан выпить! Сразу говорю: не выпьешь — значит, ударишь меня по лицу. При моих друзьях ты обязан это выпить! — Он схватил еще один бокал и попытался влить вино Шэнь Циню в рот. — Неужели я с тобой не справлюсь? Даже если придется уложить тебя здесь голым, ты все равно сделаешь так, как я хочу!

Шэнь Цинь выхватил бокал и одним движением выплеснул содержимое прямо тому в лицо.

— Ах ты тварь, жить надоело?

Паршивец взвыл, его лапа уже летела в сторону Шэнь Циня, но чья-то рука перехватила удар. Раздался хруст, и нападавший, истощно вопя от боли, начал неистово трясти рукой.

— Кто посмел?! Цан... Цан Янь?

Шэнь Цинь уже привык к внезапным появлениям Цан Яня — в том, что этот человек возник из ниоткуда, не было ничего удивительного. Сегодняшний вечер явно не обещал быть спокойным.

— Ты что, больной? За что ты меня ударил? У меня рука сломана, я тебе этого не прощу! — выкрикивал тот, постепенно отступая назад.

— Даже если бьешь собаку, посмотри, чей она хозяин, — холодно произнес Цан Янь. — Сейчас он мой человек. Трогаешь его — значит, бьешь по моему лицу.

— Между твоим помощником и твоим человеком есть принципиальная разница. Почитай хоть что-нибудь, идиот, — как всегда, парировал Шэнь Цинь.

— Ты работаешь на Цан Яня? — завопил паршивец. — Вы же заклятые враги! Вся школа знала о вашей тогдашней вражде. Шэнь Цинь, неужели ты пал так низко, что ради денег готов забыть о гордости?

У Цан Яня на лбу вздулись вены, но прежде чем он успел вспылить, Шэнь Цинь легко урезонил толпу:

— Зарабатывать деньги — это не позор. — Шэнь Цинь обвел взглядом присутствующих и зевак, собравшихся вокруг. Он сохранял невозмутимый вид, словно гора, готовая выстоять перед любым катаклизмом. — Все сводится к одному: к банкротству моей семьи. Для меня все, кроме жизни и смерти — сущие пустяки. Мне нечего скрывать, мне не стыдно, и я не собираюсь умирать от горя или опускать руки.

Долги нужно отдавать — это закон жизни. Поэтому после банкротства я хватался за любую работу. Я подрабатывал в массовке, таскал кирпичи, ночевал в домах с дурной славой и даже плакал на похоронах за деньги. Я брался за все, что могло принести доход. Я работал на нескольких работах сразу, сменял утренние смены на ночные, мог обходиться без еды и сна. Пока я жив, я обязательно верну все долги.

Что такого в том, что я работаю на своего заклятого врага? Что плохого в том, что я здесь разливаю напитки и разношу заказы? Вы приходите сюда пить, и это не считается позором, так почему же моя работа официантом должна быть постыдной? Я, Шэнь Цинь, не ворую, не граблю, не торгую собой и не нарушаю закон. Я зарабатываю своим трудом, где здесь позор?

Что такого в банкротстве? Я совершил преступление против страны или народа? Между раем и адом есть еще и мир людей. Я упал с высоты, но теперь поднимаюсь с земли. Я живу среди людей честным человеком, и те, кто никогда не знал жизни или те, кто упал и не смог подняться, превратившись в грязь, не имеют права указывать мне, как жить. Если я чист и порядочен внутри и снаружи, то монстры в человеческом обличье должны стыдиться самих себя и держаться от меня подальше.

После слов Шэнь Циня в толпе поднялся гул.

— Подумаешь, обанкротился, чего тут такого?

— И правда, работает человек, какой тут позор? Честным трудом зарабатывает, в чем он неправ?

— Эти богатые детки просто с жиру бесятся, возомнили себя небожителями, а без родительских денег они — пустое место.

— Видят, что человек в беде, и пытаются его пнуть. Сами выглядят как паршивые псы, а парень даже после банкротства держится как настоящий господин.

— Просто завидуют, что он красивый. Он же сказал, этот тип хотел подлизаться к школьной красавице, да не вышло, вот и бесится. Ни стыда, ни совести, позорище!

Зеваки окружили их плотным кольцом, продолжая перешептываться. Паршивец внезапно

почувствовал себя ничтожным. Он не мог переспорить Шэнь Циня и не мог одолеть Цан Яня, поэтому, прикрывая лицо, позорно сбежал, а его приятели поспешили за ним.

Шэнь Цинь закончил свою работу. Цан Янь на удивление не стал язвить, а просто сидел рядом, неотрывно следя за ним глазами — горящими, блестящими, от чего становилось не по себе.

На следующее утро в огромном кабинете президента Цан Янь ходил кругами. Он вызвал заместителя по кадрам:

— Когда в последний раз повышали зарплату?

— Докладываю, господин президент, индексация проводится раз в год, в начале года.

— Понятно. — Цан Янь постучал пальцами по столу. — Есть ли какие-то бонусы или поощрения для сотрудников?

— Только праздничные выплаты, больше ничего.

Цан Янь нахмурился, погрузившись в раздумья. Заместитель настороженно наблюдала за его лицом. Внезапно её осенило:

— У нас хорошие показатели за первое полугодие. Прошу ваших указаний по поводу места проведения тимбилдинга.

Тимбилдинг? Глаза Цан Яня загорелись:

— Место не так важно, главное — поощрить сотрудников. Сделайте так: организуйте лотерею.

— Лотерею? — Заместитель растерялась, ведь такого раньше никогда не было. Она быстро взяла себя в руки: — Хорошо, будет исполнено.

— Сделайте побольше призов, сотрудников много, не хочу, чтобы говорили, что я жадный.

— Слушаюсь.

— И еще, установите главный приз — пятьдесят тысяч.

Женщина-заместитель поняла всё без слов. Похоже, имя победителя уже давно было известно боссу.

— Хорошо, господин президент, будьте спокойны, все останутся довольны.

Выйдя из кабинета, она вытерла пот со лба. Говорят, работать с начальством — как ходить по лезвию ножа, но она, кажется, нашла подход.

Местом для тимбилдинга выбрали горный курорт с горячими источниками. Цан Янь забронировал роскошный люкс — один на двоих с Шэнь Цинем. Это напомнило Шэнь Циню древних императоров: сам спит в спальне, а снаружи должны дежурить евнухи и служанки.

Так кто же я в итоге — евнух или служанка? Цан Янь, да пошел ты!

Шэнь Цинь был готов швырнуть чемодан в лицо Цан Яню:

— Объясни, почему я должен спать в одном номере с таким идиотом, как ты?

— Но-но-но, — Цан Янь погрозил пальцем. — Помощник Шэнь, следи за выражениями. Это люкс, так что, строго говоря, мы не в одной комнате. Если только ты не решишь проигнорировать кровать в гостиной и не придешь сюда. Хотя, я не против — здесь много места, кроватей две, если хочешь, я могу потесниться.

<http://bllate.org/book/21814/2258011>